

С Т Е Н О Г Р А М М А

переговоров руководителей пяти партий

24 августа 1968 года

БРЕЖНЕВ. Товарищи, я думаю, что не надо вам сейчас объяснять, зачем мы вас пригласили. Это вполне естественно. Я хотел бы самым кратким образом осветить вам самые важные моменты.

Наши общие войска свою задачу выполнили. Мы вошли в Чехословакию даже на час раньше, чем намечалось, а может быть и на два. Наши войска овладели всей Чехословакией без боев, без одного выстрела. Все обошлось без жертв. Но войска — есть войска. Овладев городами и основными пунктами, они не развернули политической работы, да и не могли её развернуть сразу. В этом, видимо, был недостаток. Местные органы тоже не сразу подхватили это дело.

Как показывает жизнь, контрреволюционные силы организованно подготовились. Об этом свидетельствует действие в настоящее время многих подпольных радиостанций, правда многие из них изъяты, но многие продолжают действовать. Несмотря на то, что пришли наши войска, буквально в течение одного дня был проведен так называемый съезд, в котором не участвовал ни один член Президиума ЦК, не участвовали ни Свобода, ни Гусак, вообще никто не участвовал.

Всё это указывает на то, что там действует сильная организация. Радиостанции не прекращали действий ни на одну минуту, подпольные радиостанции. Обнаружено несколько складов с оружием,

в частности, склад оружия в Министерстве сельского хозяйства. В этом складе обнаружено 200 стволов, в том числе и пулеметы, и прочее. Кому принадлежит этот склад, сказать трудно. Тот факт, что во многих местах обнаружено оружие, свидетельствует о том, что контрреволюционные силы очень активно готовились. К сожалению, наш расчёт на то, что всякая сволочь испугается и убежит, не оправдался. Они умно, уверенно продолжали эту работу.

В такой обстановке психоза часть здоровых сил убежала в посольство и не оказалась способной возглавить пропагандистскую деятельность. Создалась серьёзная атмосфера. Здоровые силы были названы изменниками родины, у них появилась трусость. Мы интернировали к себе Дубчека, Черника, Смрковского, Кригеля и Шпачека. Все они находятся на нашей территории. Дубчек и Черник живут в одном месте, а Смрковский и другие - ещё в двух местах, здесь в Москве.

Главным является то, что войска вошли в Чехословакию без боев. Правда, когда начали захватывать редакцию газеты "Руде право", радиостанции и телевидение, там уже находилась огромная толпа, и обойтись в этих местах без выстрелов было нельзя. Мы встали перед дилеммой: или расстреливать людей, или находить какой-то другой выход, чтобы вырваться из этого окружения. Правые силы твердо усвоили себе, что им нужно не уступать этих идеологических центров. В конце концов солдатам позволили без стрельбы немного применить какие-то действия, чтобы овладеть радиостанцией, телевидением и "Руде право". При этом имели место небольшие жертвы. На сегодняшний день они составляют для наших войск убитыми 14 человек и до 30 раненых. Не могу сказать точно, но с их стороны раненых и убитых тоже не больше.

- 3 - 5 -

Крупные демонстрации в это время места не имели, но небольшие — все же были. Только сейчас мы разговаривали с нашим товарищем, который находится в Чехословакии. Он ездил по городу, обстановка вроде бы тихая, если уж он смог ездить по городу. Он нам сказал, что буквально всё обклеено антисоветскими лозунгами и протестами против ввода наших войск. Раздувается психоз. Очень трудно было наладить связь, она часто прерывалась. Это затрудняло нашу работу. Т.т. Биляк, Швестка, Барбирек, даже Млынарж, который занимал неопределенную позицию, и что характерно, в присутствии наших товарищей сделали заявление о том, что если бы не вошли в Чехословакию советские и союзнические войска, то через несколько дней Чехословакия была бы буржуазной. Насколько это верно, я не знаю, но это придает силы нашим товарищам. Были известные трудности, провокации, в Братиславе с чердаков и из окон стреляли по нашим. Сказать, что это массовое явление, пока нельзя. Рабочая милиция никакого участия не принимает. Всё больше разворачивает свою деятельность комендантская служба. Это имеет большое значение потому, что в первые дни приходится очень трудно.

- 6 -

Мы получили вчера ночью сигнал о том, что Свобода просит прибыть к нам с делегацией для переговоров и поисков путей решения вопроса. Он, говорят, передал так, что надо найти такое решение, которое в этих условиях могло бы быть приемлемым и чтобы в конечном счете войска могли бы уйти и чтобы их провожали с цветами. Может быть, это наивная штука. Вы понимаете, что минутами связь прерывалась. Мы получили сообщение, что он не один едет, а с делегацией. Причем, уже приблизительно точно назвали делегацию. О составе делегации мы сейчас скажем. Мы посоветовались тут, дело было ночью, дали согласие. Затем позже стал известен состав делегации. В составе делегации находятся т.т. Индра, Биляк, Пиллер. Это те лица, которые можно отнести к положительным силам. Дзур — министр обороны, который вёл себя всё время хорошо; затем Гусак и затем...

ПОДГОРНЫЙ. Председатель Социалистической партии.

БРЕЖНЕВ. Председатель Социалистической партии Кучера и зять Свободы — Клусак. Вот такой состав. Клусак, главным образом, взят потому, что он зять Свободы. Он советует Свободе, влияет на Свободу.

КОСЫГИН. Язык знает русский.

БРЕЖНЕВ. До их вылета в эту ночь т.т. Индра, Биляк, Павловский посещали Свободу и предлагали разные варианты, в том числе и вариант образования Революционного Правительства, и чтобы Свобода взял на себя власть, чтобы он стал во главе. Между прочим, у нас полное убеждение, что зять подсказал ему, что этого делать не надо. Свобода сказал, что я не могу это взять на себя, потому

- 7 -

что тогда могут и меня опрокинуть. И тогда пришли к выводу о поездке к нам, коллективной. Сказали, чтобы об этом опубликовать официально. Поэтому мы встречали их официально, с оркестром и пр. и пр. Свобода попросил сначала встретиться самому с нами, а затем начать переговоры со всей делегацией. Мы согласились, встретились с ним с одним. Можно понять, что прежде всего он согласен, что съезд провели и подготовили незаконно. Но он сказал, что я прошу вас решать партийные дела с этой делегацией. У меня много вопросов нет. Я прошу вас провести такие переговоры, чтобы возвратилось какое-то законное правительство, чтобы решить всё в рамках законного правительства и что только такой вариант наиболее подходящий в разбушевавшейся стихии. А это значит, что нужно вернуть Черника, Дубчека и Смирковского. О других он не ставил вопрос. И он хотел, чтобы он имел возможность с ними тут встретиться. Он имел в виду улететь вчера, поскольку он публично перед народом выступил и сказал, что он возвратится вечером.

Мы ему сказали, что также готовы найти какие-то шаги, чтобы пройти через трудности и чтобы, в конце концов, была власть законная, которая проводила бы политику в духе договоренности в Чиерне-над-Тиссой и в духе Братиславского совещания. Свобода говорил, что он имеет в виду именно это.

После этого пригласили всю делегацию. Мы начали говорить, сказали, что съезд, конечно, незаконный, что может быть такой вариант, что правительство останется во главе с Черником, если оно тоже будет стоять на позиции непризнания съезда, а как сфальсифицированного, что будут действовать старый Президиум, старый пленум, что он примет решение о переносе съезда и что

никаких новых требований, кроме выработанных в Чиерне-над-Тиссой, мы не высказываем. Вот с этого мы начали.

Выступил Гусак. Для стенограммы это нехорошее выступление. Он говорил, что неожиданно войска вошли, что это произвело плохое впечатление, коммунисты не понимают и т.д., что может быть, войска хотя бы отвели на окраины и т.д.

Потом Биляк выступил. Не особенно резко, но сказал, что подготавливалась контрреволюция хорошо, что они не имели средств - ни радиостанций, ни телевидения, осталась только часть Президиума. Так что это было его тактическое выступление. Возник вопрос. Нам стало известно, что на сегодня собирался съезд в Словакии. Конечно, надо было ожидать, что он организовывается правыми и что этот съезд пойдет в поддержку пражскому съезду. Тогда положение еще больше усложнится с точки зрения политической. В результате нашего известного нажима постепенно Гусак, который, товарищи, надо прямо сказать, видимо, пользуется большим влиянием в Словакии (трудно сказать, но, может быть, даже большим теперь, чем Биляк), наконец, согласился. Гусак понял, что съезд послужит во вред делу и помешает нашим конструктивным беседам.

- 11 -

Поэтому было нами внесено предложение, чтобы они связались с Братиславой, с оставшимися членами Президиума ЦК и попросили их перенести съезд, принять меры - сообщить всем райкомам, что этот съезд сегодня собираться не будет. Они сказали, что это, наверное, правильно, согласились с этим, попросили связать их. Мы им организовали связь через военных и они, Биляк и Кусак, беседовали ночью со своими товарищами. Точно не знаем, но кажется с Брошковичем - это второй секретарь ЦК, несколько человек еще попросили к телефону, и как будто попросили, чтобы те приняли меры, чтобы съезд не состоялся, чтобы он был перенесен недели на две, а потом видно будет, когда они возвратятся.

Будет ли это так или нет, нам не известно. Может быть правые постараются через голову этих товарищей сделать по-своему.

Таким образом, овладев всей территорией, политическая обстановка усложнилась. Мы привезли сюда в Москву, здесь находятся Дубчек и Черник. Мы с ними вчера два раза имели встречу. Договорились о тех позициях, о которых уже говорили, чтобы съезд был объявлен недействительным, что они должны взять на себя ответственность борьбы за восстановление действий старого Президиума и Пленума на принципах договоренности в Чиерне-над-Тиссой и Братиславского совещания.

Хуже себя ведет Дубчек: я не знаю положения, я не знаю обстановки. Хотя мы ему все рассказали, что это превратится в большое военное столкновение, что они несут ответственность за наведение порядка и что, если этого не будет сделано, будет огромное кровопролитие, что наши войска при такой ситуации уйти не могут и не будут уходить.

- 12 -

Потом Черник первый сказал во второй встрече: я стою на позициях непризнания действительным этого съезда и если будет признано, что я должен возвратиться, я вернусь для борьбы. Но поймите по-человечески — на кого я буду опираться? Если мне не удастся овладеть положением, я уйду в отставку.

ПОДГОРНЫЙ. Но бороться буду.

БРЕЖНЕВ. Но бороться буду до конца.

Дубчек потом вроде присоединился к такой идее, но не так твердо, как это сказал Черник, потому что Черник говорит независимо от мнения Дубчека: я заявляю свое собственное мнение и отвечаю за это.

Но потом Дубчек (он, видимо, очень считается с Черником) сказал: я тоже буду такую позицию занимать, но дайте нам всем объединиться, чтобы мы единым фронтом и Смирковский, и Биляк, и Шпачек, чтобы весь Президиум на эту позицию встал. Наверное тут заложена какая-то хитрость, а может быть и честно он это говорит, чорт его душу знает.

Они все остановились в Кремле, вся делегация живет со Свободой. Мы им разрешили встречу. Вчера вечером, часов в 11, Дубчек и Черник приехали к Свободе и всем тем товарищам, которые приехали с ним. Нам известно, что они разговаривали со Свободой отдельно немножко, а затем разговаривали с Биляком, Индрой и другими.

Из того, что можно нам сегодня было узнать через Индру, мы выяснили, что такого единства или плана достигнуто не было. Надо еще подумать, посоветоваться, как быть, хорошо бы нам с Смирковским поговорить, может быть с той частью, которая осталась в Праге.

РГАНИ

Если сказать о нашем впечатлении, то мы находимся на такой стадии начинания разговоров с ними, во что они окончательно выльются, трудно пока сказать. Наверное стоит отметить то обстоятельство, что Свобода хочет, чтобы мы нашли с ним решение. Черник тоже так говорит, тоже имеет какое-то значение это, если принять это на веру.

То, что Гусак вчера понял наш нажим и наше заявление, что войска не уйдут в такой ситуации без определенного обязательства и чтобы они позвонили туда, чтобы съезд не проводить, и что они заявили, что они хотят найти такое решение с учетом сложившейся обстановки, свидетельствует, с одной стороны, что у них известные колебания и трудности есть и, с другой стороны, вроде есть желание найти с нами приемлемое решение.

Учитывая, что Свобода объявил народу, что он к вечеру вернется, а по ходу вчерашнего разговора он понял, что еще не с чем вернуться, он без нажима сказал, что, видимо, мне надо остаться. И вчера остался, не полетел. Он просил тоже разрешить встретиться с Черником и Дубчеком.

В частной беседе с нами до этого он высказывал мысль, что он уговорит Дубчека после того, как он вернется, уйти в отставку. Но этот разговор мы считаем несколько наивным, потому что в условиях этой истерии может быть выбран человек худший, чем Дубчек.

- 14 - 15 -

Значит, наш план на сегодня. Мы им сказали, что сегодня в 11 часов утра мы продолжим разговор. Мы уже высказывали такую мысль, что некоторое время мы при Свободе продолжим беседу, может быть с участием Дубчека и Черника.

Наш план такой, чтобы Свобода улетел один сегодня и чтобы было при его отлете коммюнике такое, чтобы он мог там заявить, что переговоры с делегацией продолжаются, и что в этих переговорах участвуют также Дубчек и Черник.

- 16 -

Почему так? Надо учитывать тяжелое положение у Свободы. На него при отъезде возлагали надежду, что он, так сказать, что-то привезет. В этом случае он приедет и заявит, что делегация — и Черник, и все там беседовали с советскими руководителями партии и правительства в духе поисков решения вопросов, т.е. он как бы выполнил миссию, уже включил, нашел Черника и Дубчека, и уже идут какие-то разговоры. Такой вариант в этих условиях мы пока считаем возможным и приемлемым. У него же тенденция, мы знаем, и у других, особенно у Черника и Дубчека, чтобы Свобода вернулся с Черником и Дубчеком. И Смирковский, чтобы вернулся.

КОСЫГИН. Чтобы ехал на коне.

БРЕЖНЕВ. Это значит, что они приехали на белом коне, как страдальцы, понимаете, национальные герои.

ЖИВКОВ. Это сообщение тоже так повлияет.

БРЕЖНЕВ. Все равно как-то надо вести. Тогда нечего вообще вести переговоры. Мы просим сказать ваше мнение. Это мы говорим, как нам кажется. Мы думаем такую линию провести. Если бы нам удалось сегодня немного побеседовать, предложить всей этой делегации находить конструктивные предложения в духе того, что мы сказали, а Свободу проводить бы одного. А на эту делегацию проводить нажим. И если, в конце концов, будет найдено приемлемое для всех нас решение, то, чтобы вся делегация вернулась — Пиллер, Черник, и все товарищи просят об этом, тогда бы они приехали. Может быть даже подвезти сюда и членов Президиума, которые еще находятся в Праге. Это — Кольдер, Швестка там находятся, Ленарт тоже там находится. Может быть мы их привезем тоже сюда. Самолеты там

- 17 -

стоят. Барбирек там. И уже с этим составом будем говорить. Это свидетельствовало бы уже о том, что мы разговаривали не с тем ЦК, который избран и объявлен, а со старым Президиумом ЦК. Что они идут все вместе. Может быть, в этом что-то действительно есть.

УЛЬБРИХТ. Но ведь они вернутся тогда под руководством Дубчека.

БРЕЖНЕВ. Да, надо говорить, потому что там невероятная истерия. Это мы вам докладываем, на совет. Вот кратко обстановка. В этой ситуации мы очень нуждаемся, просим вас, дорогие товарищи, понять, что мы вовсе ни на шаг не отступаем от того, чтобы не допустить, так сказать, в Чехословакии отступления, не дать возможности контрреволюции овладеть положением.

Мы сегодня ещё больше почувствовали, что контрреволюция теперь себя обнародовала. И если даже с нашей стороны будет ещё часть жертв, мы соболезнуем этому, но вместе с тем это приближает в политическом плане к тому, что контрреволюция так же, как и в Венгрии в свое время..., стреляют с чердаков, действуют подпольные типографии, диверсионные группы и прочее. Поэтому не поймите нас, что мы отступаем на один шаг. Нет. Мы и сегодня еще больше убеждаемся в правильности нашего общего решения, что мы своевременно ввели войска. Если сейчас нелегально состоялся съезд, то если бы не было наших войск там, мы бы проявили еще проволочку до официального съезда, то теперь мы убеждены, что он не был бы лучше, чем этот. Сейчас словацких делегатов было всего 6 человек на съезде. Уже этот один факт дает нам в пропагандистском плане то, что правительству или кто поедет там восстанавливать порядок, уже основание, что этот съезд — не съезд, это сфабрикованный контрреволюционными силами съезд. Там что у нас нет ни нотки, ни настроения отступить. Наоборот, убеждены вести наши действия.

РГАНИ

- 18 - 20 -

Мы только рассказываем о сложности ситуации, которая сейчас есть, особенно в Праге и немного в Братиславе. Там слабее. Из других центров пока данных нет, там ситуация не такая. Значит, в этих условиях мы попросили вас и очень просим, очень, чтобы эти два-три дня вы находились бы с нами, в Москве, потому что каждый час, или каждые полдня меняется и сама ситуация в Праге, и здесь она может меняться. Принимать самостоятельно решение мы не хотим, да и считаем, что даже не имеем права, поскольку этот крупный вопрос был решен коллективно. Поэтому нашу просьбу просим удовлетворить и быть с нами здесь.

РГАНИ

- 21 -

Сейчас мы посоветуемся, а потом поедem туда и поговорим после того, как вы сможете взвесить обстоятельства.

КОСЫГИН. Если вам нужна какая-то информация, мы можем вам её предоставить.

БРЕЖНЕВ. Сегодня в 6 часов утра мы говорили с нашим товарищем по ВЧ. Он сказал, что если мы не договоримся с чехами, и будет необходимо создать революционное правительство, то надо его назвать не временным революционным рабоче-крестьянским правительством, а правительством Национального единства. Это, видимо, говорится с учетом пожеланий чехов. Это не имеет принципиального значения, но надо все же учесть.

Наш товарищ из посольства и товарищ из нашего коллектива считают правильным, чтобы тов. Свобода вернулся один, а мы продолжили переговоры с остальными. Такое положение можно терпеть день-два не больше потому, что безвластие сильно используется.

Позвонили тов. Червоненко и наш товарищ и просили срочно передать, что обстановка в стране усложняется, правые все больше и больше активизируются, что ни в коем случае нельзя продолжать безвластие хотя бы на один день, ибо могут возникнуть стихийные волнения.

Мы считаем, что нужно сделать все, чтобы убедить Свободу объявить о формировании правительства Национального единства во главе с ним, Свободой. Желательно, чтобы Черник вошел в это правительство на любых условиях. Если не удастся договориться на определенных условиях с Дубчеком, то было бы целесообразно

вести дело к тому, чтобы Индра был во главе ЦК. При переговорах с Дубчекoм крайне важно, чтобы он согласился признать так называемый съезд недействительным и исходил бы из того, что съезд будет созван в соответствии с уставом. В том случае, если Дубчек на приемлемых условиях согласится возглавить ЦК, необходимо, чтобы вторым лицом был Индра. В этом случае Дубчека можно было бы через некоторое время передвинуть, скажем, в Национальное собрание или осуществить другой вариант. (Это легко написать).

Товарищи из Праги подчеркивают, что если Черник будет в правительстве, то это, несомненно, внесет определенное успокоение. Можно считать, что в этом случае чехословацкая армия также могла бы включиться в поддержание порядка.

Товарищи высказывают мнение, что в условиях договоренности с Дубчекoм или Черником Биляку можно было бы возвратиться в Словакию, что также содействовало бы нормализации обстановки.

Товарищи еще раз просили подчеркнуть, что главное сейчас не оставлять положение таким, какое оно есть — безвластие. Они высказывались также за то, чтобы Свобода возвратился в Прагу сегодня. Если это по условиям переговоров невозможно, то крайне желательно, чтобы от его имени было передано на Чехословакию обращение.

Это наши товарищи прислали бумагу, а как это осуществить, не знаю.

Вот, товарищи, все. Тов.Кадар, пожалуйста.

КАДАР. Ввиду того, что в 11 часов вам предстоит продолжить переговоры, я хотел бы попросить, если это возможно, чтобы один из вас троих остался здесь с нами на полчаса, чтобы обсудить положение, а потом, тот кто останется здесь, присоединится к остальным. И еще одно слово. Пусть Свобода поедет домой.

Если удастся записать, что переговоры продолжаются, даже без упоминания фамилий, в данной ситуации даже этого достаточно.

БРЕЖНЕВ. Свобода, конечно, мог бы согласиться уехать в том случае, если бы было записано, что Дубчек и Черник участвовали в переговорах.

КАДАР. По-моему, даже это приемлемо в конечном счете.

А Биляка тоже записать?

БРЕЖНЕВ. Это специальная делегация, объявленная в печати.

КАДАР. Приемлемо.

КОСЫГИН. И Индру записать.

БРЕЖНЕВ. Мнение ваше очень важно.

КАДАР. Пусть Свобода поедет домой, потому что в его отсутствие может ухудшиться положение в Чехословакии.

ГОМУЛКА. Я скажу кратко, потому что я буду позже выступать. Если Свобода вернется в Прагу и будет коммюнике и ничего больше, то это будет говорить о том, что ничего не достигнуто, а контрреволюционная волна будет продолжаться. Если мы дадим коммюнике, что он вернулся, а здесь ведутся переговоры с Дубчеком, то контрреволюционный нажим также будет продолжаться. Будет нажим, чтобы левых выбросили.

БРЕЖНЕВ. Я думаю, что в этих условиях они будут выступать против.

ГОМУЛКА. Нет. Они будут требовать, чтобы Дубчек и Смирковский вернулись в Прагу. А этих они давно признали как предателей. Здесь или капитуляция, или борьба. Здесь не нужно иметь никаких иллюзий. Конечно, здесь есть вопрос тактики. Какую мы возьмем тактику, если отбросим капитуляцию? Если мы считаем, что дело обойдется без борьбы уже сейчас, то мы ошибаемся. Борьба будет.

ЖИВКОВ. Вооруженная будет борьба.

ГОМУЛКА. Если мы не отдадим приказа и полномочий нашим войскам, как они должны вести себя относительно контрреволюции,

- 27 -

то этого контрреволюция только и будет ожидать. То, что пишет Червоненко, они, конечно, не без власти. Наши войска ничего не делают или очень и очень мало делают. Власти у правительства нет.

БРЕЖНЕВ. Я позвоню сейчас Свободе, что мы задержимся на полчаса.

ПОДГОРНЫЙ. На час.

ГОМУЛКА. Здесь войска должны иметь указание против контрреволюции. Другого нет выхода. Я считаю, что если Свобода уезжает, пусть уезжает. Нужно дать коммюнике, в котором сказать, что в переговорах участвуют те-то и те-то. Успех переговоров возможен при спокойствии в стране. Если не будет спокойствия в стране, войска будут действовать. Как-то нужно сформулировать.

БРЕЖНЕВ. Даже правильно сказать, что успешным переговорам будет способствовать спокойствие в стране.

КОСЫГИН. Для ведения переговоров необходимо спокойствие в стране.

БРЕЖНЕВ. Переговорам будет способствовать спокойствие в стране. Не "успешным" переговорам, а просто.

ГОМУЛКА. Они обращаются к войскам, к народу. Свобода приказывает.

ПОДГОРНЫЙ. Он приказал, они волнуются.

ГОМУЛКА. Коммюнике какое-то должно быть, потому что я убежден, что в Чехословакии будет нажим. Если не коммюнике, можно сделать воззвание, обращение к народу. Это тоже можно.

ПОДГОРНЫЙ. Это можно сделать так, чтобы они не из Москвы передавали, потому что это будет расцениваться как отрицательное явление.

РГАНИ

- 28 - 30 -

ГОМУЛКА. Они могут написать воззвание о спокойствии в стране. Разве Свобода, Дубчек не подпишут его? Пусть будет написано "Прага", а согласовано здесь. Они подпишут, а здесь согласуют. Это приказ. Не будет этого, будет плохо. Наши войска нужно предупредить, нужно, чтобы они получили приказ стрелять. Мы должны себе прямо сказать, какая польза. Пользы никакой. Чехословацкой социалистической партии нет. Чехословацкая коммунистическая партия превратилась в социал-демократическую партию в действительности, в партию, которая идет вместе с контрреволюцией. Есть отдельные коммунисты. Наши трудности заключаются в этом. Поэтому сейчас действует только противник, только контрреволюция, и внешняя. У нас, например, "Свободная Европа" заявила, что на несколько дней они прекращают передачи на Польшу, потому что должны работать на Чехословакию. Все силы работают на Чехословакию. Это первое.

В действительности соотношение сил в Европе уже изменилось. Чехословакия вне Варшавского Договора, войска тоже вне,

Контрреволюция далеко вошла в ряды рабочего класса. Так что мы должны видеть, какое здесь положение: мы имеем только территорию Чехословакии, а не имеем армии, не имеем партии и не имеем большинства народа. Нужно тоже рассчитывать на это, что там вообще 50 или 70 процентов народа – это контрреволюция во главе различной интеллигенции. Они в первую очередь начали это и они ведут работу, а народ – как народ, он смотрит, что будет дальше. При этих условиях террора, который создан, коммунисты не могут выступить, они понимают, что им будут резать головы. Уже сейчас есть лозунги: смерть предателям, пожалуйста уезжайте с советскими войсками в Советский Союз, расстрелять и т.д. Это положение вообще.

Мы можем только через определенное время, если мы будем действовать, установить власть. Там будет как в Венгрии, хотя в Венгрии было лучше, чем сейчас в Чехословакии.

Что будет дальше, товарищи? Надо прямо сказать, что после этого будет. В первую очередь, будет удар на ГДР и будет новый опыт. Что будет говорить контрреволюция? Скажет: там можно и при советских, и при других войсках сделать контрреволюцию. Войска есть, и контрреволюция есть. Здесь будет удар на Венгрию, на Польшу, на ГДР, это безусловно.

Я себе представляю это так, я высказываюсь, как руководитель контрреволюции высказался бы – я могу действовать и получу победу, какую хочу.

Какое-то время, такое или другое, но недолгое время, должно пройти.

- 32 -

Когда мы принимали решение о введении войск, мы рассчитывали, что положение там лучше. В действительности мы убедились, что положение хуже, контрреволюция там вошла в рабочий класс, что партии нет.

Мы будем обсуждать по-разному, как дальше делать, можно будет говорить по этому вопросу, но я поддерживаю свое предложение и думаю, что оно целесообразно, чтобы ЦК КПЧ, который есть, созвать там в таком месте, где можно будет работать, а может быть даже укрепить его войском, вы должны все приехать туда и говорить прямо, просто о положении, в чем дело, известно то-то и то-то, встает такой-то и такой-то вопрос, и вы решайте. Мы не отдадим наш левый флаг, потому что это гибель нашего социализма, единства, все это будем говорить спокойно и прямо.

Конечно, здесь есть тот же вопрос, как будем разговаривать. Может быть здесь, может быть взять тех товарищей, которых вы предлагаете, целый Президиум. Мы можем вместе, не только вы, но и мы вместе разговаривать. И потом здесь нужно определенное время на это. Нужно, конечно, нам, пятерке, написать хорошее обращение к рабочему классу Чехословакии, где мы все скажем, хотя сейчас положение такое, что нужно действовать.

КОСЫГИН. Сегодня опубликовали от пятерки.

ГОМУЛКА. Нет, это другим языком нужно написать. Я уже не хочу говорить от вашего имени, но до сих пор непонятно, в чем дело. Многие не понимают, в том числе чешский народ и рабочий класс Чехословакии, что случилось, почему мы после Братиславы так действуем? Мы не разъяснили этого, не вскрыли результатов переговоров в Чехословакии и того, что случилось после Братиславы. Мы говорим только о том, что они не выполнили,

РГАНИ

а что не выполнили, не разъяснили совсем, многие не знают, в чем там дело и почему мы этого не сделали, непонятно. Это нужно сделать. Может быть созвать пленум ЦК и среди народа нужно это разъяснить.

Мы во внутреннем порядке сказали партийным организациям, то, что можно было сказать, сказали, что две недели тому назад шестеркой было принято Обращение и что внезапно случилось так, что вынуждены были ввести войска, а почему — не ответили. Говорить о том, что все средства пропаганды в руках контрреволюции, это другой вопрос, а этот вопрос основной на сегодняшний день, и мы на него не ответили. Никто не знает, как будем обсуждать вопрос. Вот кратко, что я хотел сказать.

УЛЬБРИХТ (перевод). Мы должны исходить из того, что чехословацкий народ до сих пор не знает, какова обстановка, какая ситуация настоящая. Мы им не сказали этого. Мы не сказали о переговорах в Чиерне-над-Тиссой и в Братиславе, не сказали, какая договоренность была достигнута там и что чехи и другие товарищи отказались выполнять свою договоренность. Население не знает о том, что все усилия были направлены против антисоциалистических контрреволюционных сил, население не информировано об этом.

Мы своему населению сказали по радио, прямо объяснили, но чехословацкий народ не знает. Они не знают, что делает и как действует контрреволюционная сила, они не представляют себе всей политической взаимосвязи вообще в ходе событий в Чехословакии, им до сих пор этого не объяснили. Наоборот, ведь Дубчек заявил, что этого не было. Дубчек, Смрковский открыто заявляли, что никакой договоренности не было достигнуто под тем документом,

- 34 - 35 -

который мы подписали в Чиерне. Они скрыли от народа. Вот такие факты. Все это теперь поощряет тому, чтобы разлагать собственные силы.

Если Свобода должен вернуться, нельзя его отпустить с таким коммюнике, что переговоры продолжаются с Дубчеком. Это означало бы, что мы начинаем уже отступление, и это будет поощрять контрреволюцию. Они будут требовать, давайте Дубчека обратно сюда в Прагу, они будут вести кампанию за возвращение и таким образом будут усиливать свои действия. Так что нельзя в коммюнике заявлять или писать, что переговоры ведутся с Дубчеком. Это невозможно.

Я считаю, что вначале надо написать Обращение или Заявление сделать, где прямо, ясно объяснить обстановку, где не только призывать к порядку, к спокойствию, а призвать рабочий класс и коммунистов к объединению для борьбы с препятствиями всякой деятельности контрреволюции.

- 36 -

Если группы готовы подписать, если они готовы сделать это, это хорошо. Если они откажутся, мы сами должны это сделать. Но без этого дело не пойдет. Что означает лозунг о создании правительства национального единства? Это означает, что вся националистическая травля будет продолжена в духе Масарика, и мы полностью проиграем. Надо связать национальный лозунг с рабоче-крестьянским государством, то есть правительством национального единства с рабоче-крестьянской властью. Проще сказать, правительство национального единства — это означало бы пойти по пути Масарика. А это значит, что оно будет использовано для своего дела, а этого допустить нельзя. Дело в том, чтобы активизировать здоровые силы, чтобы они вели бы борьбу против контрреволюционных сил. Но мы не можем вести борьбу против контрреволюции под лозунгом, что возвращайте нам Дубчека. Дубчек обманул нас в Чиерне-над-Тиссой, обманул в Братиславе, обманет нас еще и в Праге. В этом сомнений нет. То, что надо найти выход, надо и с Дубчеком, это я признаю. И это правильно. И я согласен с тем, что другие товарищи Президиума — Швестка и другие..., я согласен, чтобы вы их сюда привезли и чтобы отсюда совместно опубликовали Обращение к трудящемуся народу Чехословакии, чтобы им прямо объяснили суть ситуации. А когда вернется Свобода, тут надо сообщить лишь о том, что переговоры с делегацией продолжаются, не называя Дубчека.

ГОМУЛКА. Нужно бы здесь согласовать и чтобы Свобода подписал. Дубчек не состоит в правительстве. Может быть, Черник, Смрковский.

УЛЬБРИХТ. Свобода и Черник, Смрковского не надо.

ГОМУЛКА. Дзура.

УЛЬБРИХТ. Дзура, пожалуйста.

ЖИВКОВ. Очевидно, все мы здесь единодушны и согласны с той оценкой, которую дал тов.Брежнев об исключительно сложной обстановке в Чехословакии. Но мы должны быть реалистами, должны отдавать себе отчет в том, что мы находимся перед столкновением с контрреволюцией в Чехословакии. Это неизбежно. Будем ли мы вести переговоры с Дубчеком и без Дубчека, но столкновения будут неизбежны. Почему? Потому что у нас имеется принципиальное решение, что мы не отступим. Если мы отступим, это было бы недопустимо, это было бы большим поражением на длительный период, было бы губительно для нас. Следовательно, необходимо разъяснить чехословацким товарищам, что там назревает гражданская война, и она может начаться в любой час.

Товарищи, наши войска находятся там. Мы должны заставить этих товарищей действовать, в том числе и Свободу. И мы считаем, что если сегодня или завтра выступят, это облегчит наше положение, несмотря на то, что столкновения все равно произойдут. Мы должны идти на революционное рабоче-крестьянское правительство. Может быть, временно использовать Черника. Но ни в коем случае с Дубчеком больше не вести переговоры, потому что это будет истолковано, как наше поражение поощрить контрреволюцию в Чехословакии. Если мы смирились с тем, что происходит сейчас в Чехословакии, то тогда зачем мы туда ввели войска? Все равно столкновения там будут. Может быть, не вспыхнет гражданская война по всей Чехословакии, но в Праге и других центрах наступит. Кроме того, не следует делать заключение только по Праге и Братиславе. Мы имеем сведения, что и наши, и ваши войска были хорошо встречены как армией, так и населением отдельных городов и сел.

БРЕЖНЕВ. Сейчас хуже.

ЖИВКОВ. Я понимаю, но главным образом в больших городах большие трудности.

ГОМУЛКА. Потому что мы не ведем пропаганду.

ЖИВКОВ. Мы ничего не делаем. Необходимо перейти в наступление, иначе невозможно. Нам будет хуже. В ближайшие часы необходимо это, к вечеру, завтра. Необходимо принять курс на разгром контрреволюции. Я не говорю, чтобы поголовно начать наступление. Но шайки, которые действуют в Праге, Братиславе, необходимо решительно ликвидировать. Это облегчит наше международное и внутреннее положение. Это придется начать с самого начала — с восстановления ЦК, парламента, но необходимо начать. Другого выхода я не вижу. Другое — это значит выжидать момента и начать гражданскую войну. Начнут разлагаться и некоторые войсковые части.

БРЕЖНЕВ. Я забыл сказать, что там в парламенте сидит Национальное собрание, которое готово принять Обращение в ООН.

ЖИВКОВ. Почему его не разгонят?

БРЕЖНЕВ. Свобода уговорил их, вроде, что он едет.

КАДАР. По этому поводу у меня есть два слова.

ГОМУЛКА. У меня нет никаких иллюзий относительно позиции Дубчека. Но все-таки я считаю, что в эти моменты Дубчека нужно использовать, если только можно. Почему его нужно использовать? Чтобы его скомпрометировать, чтобы подорвать то влияние, которое он имеет, а позже пусть он идет к чёрту. Значит, Дубчек должен что-то подписать, подписать то, что не будет хотеть контрреволюция. И в таком смысле его нужно использовать.

БРЕЖНЕВ. Чтобы подписал при всех.

- 41 -

ЖИВКОВ. И другие пусть подпишут.

ГОМУЛКА. Я особенно это подчеркиваю, надо использовать Дубчека в этот момент, а что мы будем с ним делать позже — это другое дело.

КАДАР. Я повторяю, чтобы было очень важно, чтобы Свобода вернулся на родину. Это также важно, как то, что он приехал сюда. Нужно будет попытаться, чтобы он подписал коммюнике такого содержания, что он вел переговоры, что оставшаяся в Москве часть делегации продолжает эти переговоры. Быть может, для нас было бы выгодным сделать это коммюнике пока без фамилий и пусть оно закончится обращением к чехословацкому народу поддерживать спокойствие и тем самым содействовать успеху переговоров.

БРЕЖНЕВ. Мы с этим тоже согласны, но и вчера, и сегодня т.Свобода просил, чтобы в коммюнике были включены фамилии Дубчека и Черника.

ПОДГОРНЫЙ. Это принесло бы народу большое успокоение.

УЛЬБРИХТ. Нет, получится наоборот, этим будет поощрен национализм.

ГОМУЛКА. Может быть сказать так, что тов.Свобода провел переговоры, встретился с Дубчеком, Черником и другими и что они приняли обращение к народу. Это обращение надо опубликовать.

БРЕЖНЕВ. И тов.Свобода не успеет этого сделать, и Дубчек не согласится подписать это обращение. Это нереально. Мы

- 42 -

почувствовали, что они здесь не подпишут никакого обращения — ни Дубчек, ни Черник, ни остальные. Конечно, если бы его подписали Дубчек и Черник, то его подписали бы и остальные.

ПОДГОРНЫЙ. Но они просто не могут этого сделать.

ГОМУЛКА. Ну тогда, может быть, сделать так, как предлагает т.Кадар.

БРЕЖНЕВ. Мы сторонники того, чтобы объявить, что т.Свобода вел переговоры, но они не закончены, и делегация осталась, чтобы продолжить эти переговоры, а он, Свобода, призывает народ и Республику к спокойствию. Если он на это согласится, будет хорошо, хотя его зять внушает ему все время другое. Он подошел ко мне и сказал: тов.Брежнев, что Вам стоит включить в коммюнике фамилии Дубчека и Черника.

УЛЬБРИХТ. Если мы включим эти фамилии в коммюнике, это нам слишком дорого обойдется, потому что это будет поощрением контрреволюции.

КОСЫГИН. Тов.Гомулка, когда Вы встретитесь со всей делегацией, с Дубчеком и Черником, Вы увидите, что это совершенно нереальная вещь, чтобы они подписали обращение к народу. Этим будет достигнута цель, о которой Вы говорили раньше. Будет полная дискредитация. Он этого и добивается.

ПОДГОРНЫЙ. Здоровые силы, которые приехали с делегацией, говорят, что если бы Дубчек и Черник, а также и другие согласились приехать в Прагу и сказать, что они не признают прошедшего партийного съезда, не признают тот Президиум ЦК и ЦК, которые были на нем избраны, то сейчас же там раздадутся крики, компрометирующие

РГАНИ

Дубчека и Черника.

ПОДГОРНЫЙ. Они не могут этого подписать. Я бы не подписал, и Вы бы не подписали. Они могут это сделать в Праге, иначе будет сказано, что Москва заставила их подписать.

БРЕЖНЕВ. Если Дубчек поедет в Прагу, то его встретят и понесут на руках как национального героя, его нужно будет тогда арестовывать, а попробуй найди его.

ГОМУЛКА. Черник же согласился, что невозможно признать законным избранный Президиум и съезд, пусть и Дубчек согласится, и пусть здесь подпишут.

ПОДГОРНЫЙ. Прежде всего это не зависит от Президиума, что Дубчек и Черник говорят, что мы должны единым фронтом, всем соответствующим Президиумом договориться и иметь единое мнение, и выйти на пленум ЦК. Без пленума ЦК Президиум не может решить этого вопроса.

ГОМУЛКА. Они могут подписать, что они не признают это, и с этим пойдут на пленум.

БРЕЖНЕВ. Мне кажется, что предложение т.Гомулки заслуживает внимания.

- 44-45 -

Мы можем здесь это обговорить, пусть на это уйдет несколько дней. Давайте попробуем собрать пленум старого состава, и мы примем в нем участие. Может быть, этот вариант подойдет?

КОСЫГИН. Если бы собрался старый пленум, его можно было бы повернуть на старый путь. Сумеет ли мы это сделать, трудно сказать. Идея сама по себе неплохая.

УЛЬБРИХТ. Мы за предложение собрать пленум старого состава. Это предложение правильное. Об этом можно было бы объявить по радио.

КОСЫГИН. Надо будет вернуться к этому вопросу.

Я думаю, тов. Гомулка, что мы не можем согласиться с Вашим заявлением, что в Чехословакии нет партии потому, что в Чехословакии партия есть. Об этом свидетельствует один очень важный факт. Вот уже в течение нескольких дней в Чехословакии очень сложная обстановка, а рабочие на предприятиях работают, никто не выходит на улицу. Значит, рабочий класс кто-то держит в руках, поэтому и нельзя сказать, что в Чехословакии нет партии.

А вот то, что отсутствует руководство партии, это правильно.

БРЕЖНЕВ. В какой-то степени они разложены.

УЛЬБРИХТ. Если обстановка такая, то давайте обратимся к партии, разработаем сейчас обращение к партии и мобилизуем партию, если она есть.

ПОДГОРНЫЙ. Я думаю, что до тех пор, пока Президиум не соберет пленум и не признает XIV съезд незаконным, всё это лишнее. Сейчас, конечно, в Чехословакии такая ситуация, что мобилизуется всё на то, чтобы признать XIV съезд. Поэтому нам в первую очередь надо парализовать эти силы, а здоровые силы надо поддержать.

КОСЫГИН. Все предложения, которые мы делали здоровым силам в отношении возглавить правительство, они не принимают. Никто на это не идёт. Пусть Черник возглавит правительство.

БРЕЖНЕВ. Свобода говорит, что меня заключают. Я уйду в отставку или пулю пуцу.

КОСЫГИН. Единственный человек, которого слушают, — это Свобода. На что Дзур упирается? Мы сказали, что он хорошо себя вёл. Он же сказал нам, что я выполнял приказ Президента и Президиума ЦК, а Дубчек говорит, что это они дали приказ, чтобы не стреляли. После того, как было решение ЦК и приказ Президента, они выполняли приказ.

ГОМУЛКА. Они дали всё это раньше.

КОСЫГИН. Они раньше подготовили, но не могли раньше дать приказ, когда не было войск.

ПОДГОРНЫЙ. Они пригласили Свободу в 12 часов ночи по нашему времени и попросили его дать приказ, как только получили сообщение, что войска перешли границу. Этот приказ был опубликован.

БРЕЖНЕВ. Речь не может идти о капитуляции.

КЛИШКО. Это не капитуляция, а это политика.

БРЕЖНЕВ. Свободу надо убедить уехать. Коммюнике составить бы лучше без участия Черника и Дубчека. А фактически привлечь их. Я, например, не вижу возражений. Я, например, не считаю правильным, что мы не объясняем народу, в чём дело.

КОСЫГИН. Надо, видимо, создать центр пропаганды в Праге, чтобы он начал серьезную организацию пропаганды.

ЖИВКОВ. Надо сказать, что Дубчек не выполнил обязательств, принятые в Чиерне-над-Тиссой.

БРЕЖНЕВ. Такой постановкой вопроса мы разожжем еще больше войну. Это будет против нашей воли. Так что эту сторону надо учитывать.

ЖИВКОВ. Надо здоровые силы укреплять.

ПОДГОРНЫЙ. Но вы поймите, что здоровых сил по существу сейчас там нет. Они находятся или в посольстве, или в другом месте. Они двух слов не могут сказать.

ЖИВКОВ. Там власти нет.

ПОДГОРНЫЙ. А если им дать власть, то их никто не признает.

ГОМУЛКА. Там отдельные коммунисты, а не партия.

КОСЫГИН. Но выступить и сказать, что у них нет партии, это невозможная вещь.

ПОДГОРНЫЙ. Здоровые силы есть, но они не могут выступить. Здоровые силы молчат. За сегодняшний день, например, было 1300 листовок.

ГОМУЛКА. Если подпишут обращение к спокойствию в стране Черник и Дзур, то это очень важно.

КОСЫГИН. Делегации совместно пришли к выводу, что для ведения переговоров необходимо полное спокойствие в Чехословакии. Президент и делегация обращаются к народу сохранять полное спокойствие.

ГОМУЛКА. Свобода, Черник или Дзур должны дать обращение от себя. Здесь же они должны согласиться с кратким воззванием в несколько строчек и обязательно призвать к спокойствию.

ПОДГОРНЫЙ. Надо иметь в виду, что Свобода будет настаивать, чтобы было коммюнике о том, что приняли участие в переговорах Черник и Дубчек.

ГОМУЛКА. Можно было бы сказать, что он сам встретился с ними. Если не будет этого обращения и подписей, то это никакого значения иметь не будет.

ПОДГОРНЫЙ. Сейчас в Чехословакии идет разговор о том, что Дубчек и Черник арестованы и находятся в Советском Союзе. Если мы хотим в какой-то степени поступить по-другому...

ГОМУЛКА. Не сумеем.

ПОДГОРНЫЙ. ... то нужно создать впечатление, что они участвуют в переговорах. Это для здоровых сил и для всех граждан имело бы большое значение. Было бы ясно, что они не просто арестованы. Мы хотим создать впечатление, что они не арестованы.

- 51 -

УЛЬБРИХТ (перевод). То, что вы предлагаете, это значит, что народ Чехословакии будет знать, что чехословацкая делегация находится под руководством Дубчека. Такое впечатление создается. И национализм будет расти. Мы должны исходить из фактической обстановки, чтобы люди знали, что они не интернированы. Но это политический вопрос.

ПОДГОРНЫЙ. Я не это предлагаю. Я предлагаю искать пути решения проблемы. То, что вы предлагаете, мне кажется, что это не решение проблемы. Вы предлагаете сейчас только вести разговоры, а тут действовать надо, а не разговаривать. Нам нужно не листовки писать, а правительство нужно создавать.

Нам, товарищи, надо прямо на вещи смотреть. Если мы не примем каких-то мер, в ближайшее время начнется гражданская война. Нам нужно этого избежать.

ГОМУЛКА. Я всегда рассчитываю на худшее.

ПОДГОРНЫЙ. Я тоже. Но надо искать пути, чтобы не допустить этого и убить того же самого зайца.

ГОМУЛКА. Черник и Дубчек ведь действительно не участвовали в разговоре со Свободой и с вашей делегацией, они разговаривали не вместе с вами, так почему бы им не сказать так, что Свобода встретился с Дубчеком и Черником.

БРЕЖНЕВ. И только.

ГОМУЛКА. И только. Это будет значить, что они здесь согласятся подписать воззвание, о котором я говорю.

- 52 -

БРЕЖНЕВ. Вместе с нами, с Дубчеком и Черником. Но тогда нужно еще два-три дня. Мы с вами согласны со всем, и сами такого мнения, но мы не хотим гражданской войны, еще раз вам заявляем, что никакой капитуляции не будет. Они на вас рассчитывают. Надо искать какие-то пути все-таки.

Вчерашний разговор, я на него не питаю иллюзий, то, что мы вам рассказывали, что Гусак, Черник и Биляк согласились поговорить с Братиславой. Вот мы получили шифровку, ее сейчас по ВЧ передали. "Пять членов Президиума пригласили к телефону и они разговаривали с Биляком и Гусаком. Наступил перелом в выгодную для нас форму. После переговоров было продолжено заседание Президиума ЦК КП Словакии, на котором единогласно принято решение не допустить съезда коммунистов Словакии, созываемый правыми на 24 августа, т.е. на сегодня, и отложить его на более поздний срок. Связались с обкомами и райкомами, чтобы они задержали делегатов, которые еще не выехали, а тех, кто прибыл в Братиславу, будут направлены на заводы, фабрики и в учреждения для разъяснения трудящимся происходящих событий и для предупреждения их о спокойном отношении к советским войскам. Мобилизованы 300 студентов, в том числе и сын Гусака, которые завтра будут проводить соответствующую работу среди молодежи и студентов. Намечены и другие, полезные для нас мероприятия.

Сегодня ночью с помощью словацких и наших военных специалистов будет восстановлена и пущена в ход радиостанция для ЦК Компартии Словакии, с установлением микрофона непосредственно

РГАН И

- 53 - 55 -

в здании ЦК КП Словакии. Приняты меры, чтобы он использовался только по назначению. Будут прикрыты подпольные радиостанции, поскольку, как сказал т. Грушкович, о них знают некоторые правые члены Президиума, которые прекратят подрывную работу. Если завтра некоторые газеты выйдут с антисоветскими статьями, ЦК закроет их редакции и типографии".

Это пишет представитель Комитета госбезопасности. Как это там, чорт его знает. Так что есть какая-то еще санкция. Может быть пока примем в таком плане, в котором высказались. Тогда будем без Дубчека и Черника, посмотрим, как Свобода к этому отнесется.

Может быть вы где-нибудь разместитесь вместе, чтобы, если понадобится, могли подъехать на машине.